

ВИНЦЕСЬ
МУДРОВ

ПОСЛЕДНЯЯ
РЕПЕТИЦИЯ

SHE
LOVES YOU
YEAH YEAH YEAH

Середина 60-х годов прошлого столетия... На одном из облюбованных туристами греческих островов в Эгейском море местный бит-квартет разучивает «битловскую» песню She Loves You. У ребят никак не получается концовка, и в это время на танцевальной площадке, где проводится репетиция, появляется элегантный янки в темных очках и белых шортах. Гость пытается что-то подсказать молодым музыкантам, но руководитель бит-группы Никос его прогоняет. Что было потом — читатель узнает, прочитав рассказ «Последняя репетиция» из одноименного прозаического сборника белорусского писателя Винцеся Мудрова.

Сборник объединяет девять рассказов, написанных в разное время и в разной стилистической манере.

Авторизованный перевод с белорусского Максима Мудрова.

Винцесь Мудров

Последняя репетиция

Последняя репетиция

Вода с утра была прохладной. Он даже охнул, нырнув под волну. Далеко, однако, не заплывал. Проплыл не более десяти ярдов, и повернул обратно. Пару лет назад, на Канарах, его потянуло отливом в открытое море, с той поры остерегался заплывать далеко от берега.

Шезлонг приятно согрел спину, в лицо повеяло йодистым духом водорослей, и не успел сомкнуть век, как сразу — так всегда бывает после купания в холодной воде — погрузился в дремоту.

Солнце медленно гасло, рассыпалось тусклыми бликами по беспокойной воде, розовым пожаром отражалось в окнах старых, увитых плющом домов на Менлов-авеню. Он жал на педали велосипеда и серый асфальт мягко ложился под колеса...

— Джонни! — крикнули неподалеку и он очнулся. Кажется, заснул на мгновение, а между тем на горизонте — там, где море сливалось с небом, — успел возникнуть белый корабль, который медленно, почти незаметно для глаз, плыл в утренней дымке.

— Джонни! Вода холодная. Я тебе не разрешаю купаться! — кричала, с заметным корнуэльским акцентом, дородная землячка. Тот, кому она кричала — загорелый белоголовый мальчишка — заходил по колено в воду и тут же отбегал, спасаясь от накатистой волны.

В душном, обставленной в восточном стиле гостиничном номере, плохо спалось, и с первым солнечным лучом, что пронзил неплотные жалюзи, он отправился к морю.

Народу на пляже было мало: женщина с внуком, еще какие-то белотелые типы, с виду, скандинавы. Чуть поодаль играли в бадминтон рыжеволосая девушка с парнем.

Он снял темные очки, потер глаза. От солнечного света и бешенства ярких красок кольнуло в висках. Особенно впечатляла зеленая стена олеандров, что окружала пляж. В этот миг девушка, подбирая волан из-под ног, глянула в его сторону, и пришлось торопливо надвинуть очки на переносицу. Рыжуха так и замерла, согнувшись, и волан выпал из тонких пальцев. Он затаил дыхание, положил руки на лоб, чтобы хоть как-то прикрыть лицо, краем глаза взглянул на девушку. Та выпрямилась, что-то сказала парню, и тот с улыбкой махнул рукой.

— Уф-ф... — вырвалось из груди. — Слегка

приподняв очки, он стал смотреть на белый корабль, что плыл навстречу солнцу.

Это был третий день отдыха — тут, на острове, посреди белогривого Эгейского моря. И хотя в отеле было полно земляков и еще больше американцев, его до сих пор никто не узнал. Правда, даже вечером, приходилось ходить в темных очках.

Корабль загудел на прощание, слился с сиреновой дымкой.

Он сомкнул веки и подумал, что стоило бы взять на прокат велосипед и проехаться, как в юности, по пыльным проселкам. В памяти опять возникла Менлов-авеню, улица детства, а в сознании родилась сочиненная им песня. Вначале песня звучала глухо, невнятно, и вдруг взорвалась гитарными аккордами. Довелось встряхнул головой, и музыкальные отголоски, смешавшись с шумом прибоя, отозвались где-то на другом конце пляжа.

— Давай еще раз, без гитар, — выдохнул Никос — чернявый девятнадцатилетний парень. — Йорго, дай ритм.

Йорго, белоголовый подросток, грохнул по большой тарелке и мелко застучал по барабанам.

— She loves you, yeah! yeah! yeah! yeah! — грянули в четыре глотки, но последнее «е-е» опять

не получилось.

— Не то поём. Слушаем еще раз.

Никос включил магнитофон и веранда наполнилась высокими «битловскими» голосами.

— Нам так не спеть, — уныло проговорил басист Спирос, мельком глянув на часы. — По утрам Спирос ловил с отцом губки в заливе и должен был бежать к пирсу.

— Ладно. Прогоним последний куплет — и разбегаемся.

Никос махнул барабанщику, ударил по гитарным струнам, но сам не запел. Слушал, кто фальшивит: Манол, Йорго или Спирос?

Никто и не заметил, как на танцевальной площадке появился чувак в модной белой рубашке и в таких же белых шортах.

— Калимера! — поздоровался незнакомец, потом заговорил по-английски, и все вопросительно взглянули сначала на гостя, а потом на басиста. Спирос два года жил с родителями в Глазго и хорошо знал английский язык.

— Говорит, последнее «е-е» нужно брать на терцию ниже.

«Янки», — подумал Никос. В прошлом году он работал кельнером на морском пароме, выучил несколько английских фраз, и первая фраза, которую вспомнил, была:

— Go away!

Гостя такие слова не смутили.

— It's our song, — произнес он с улыбкой.

Никос понял без переводчика. Такие слова его возмутили.

— Это песня «Битлз»! Ты хотя бы знаешь, кто такие «Битлз»?! — Никос произнес это по-гречески, но янки его понял и все с той же наглой улыбкой кивнул головой.

Спирос что-то крикнул незнакомцу, тот пошел было к эстраде, но вдруг остановился, щелкнул пальцем по часам. Постояв еще минутку, иностранный гость помахал им рукой и двинулся к выходу.

— Что ты ему сказал? — Никос вдруг почувствовал душевную неловкость.

— Попросил сбацать что-нибудь на гитаре.

— Да этот янки, по-видимому, и гитары в руках не держал.

— Он англичанин, а не американец, — буркнул Спирос, — и, скручивая шнуры, добавил: — Можно было бы с ним поделикатнее. Видимо, наш коллега.

— Что, тоже губки ловит?

Спирос всегда сердился, когда его укоряли этими самыми губками, а потому, запихивая гитару в дерматиновый чехол, укоризненно выдохнул:

— Меня, между прочим, в «Афродиту» приглашали. У них там басист заболел. Девяносто

драхм за вечер. И еще дармовой ужин.

— Ну так давай... кто тебя держит. Будешь Элвиса Пресли на контрабасе лабать...

— Да хватит вам, ей-богу, — подал голос Манол. — Можно было, действительно, поделикатнее... с англичанином. Он что, живя в Британии, не слышал про «битлов»? Да он их, думаю, живьем видел... И не раз.

Никос и сам понял, что вспомнил не ту фразу. Сев на край эстрады, парень устало перевел дыхание. Вспомнил, как сам играл в дансинг-холле «Афродиты» — шикарного отеля класса делюкс. Пришлось разучить несколько песен из репертуара Элвиса Пресли и Фрэнка Синатры. Играл там, правда, только неделю: гитарист, которого подменял, вышел из запоя. Да такой беды. Ему и недели хватило, чтобы возненавидеть тамошнюю публику, а тем более, тамошний музыкальный репертуар. Гостиничные музыканты лабали одни блюзы да идиотские песенки из голливудских фильмов.

— Ну, так я пошел? — вопросительно выдохнул за спиной Йорго. — Барабанщик занес в будку ударную установку, навесил замок и собирался идти домой.

Никос пашарил в карманах, вытащил несколько монет, протянул другу. Деньги Йорго нужны как никому. Отец его еще весной подался на

заработки в Германию и до сих пор не отозвался. Ляпнув барабанщика по плечу, Никос поднялся на ноги, зевнул — он работал охранником на автостоянке и наперед отработал ночную смену, — и с хрустом в суставах потянулся.

Выходя с танцплощадки, Никос бросил взгляд на угрожающую надпись: «Вход во время репетиции ансамбля запрещен!» «Надо будет продублировать по-английски, чтобы не таскались... всякие», — с этой мыслью вскинул на плечо гитару и широким шагом направился в сторону таверны дядьки Михалаки.

Дядька Михалаки, родной брат матери, стоял за стойкой и протирал стаканы. Таверна находилась недалеко от пляжа и здесь всегда было полно посетителей. В основном, это были скандинавы, что снимали домики на побережье. Они здесь завтракали и пили «Рецину» — белое эгейское вино. Сейчас таверна была пуста. Первые посетители появлялись в половине девятого.

— Что, опять все деньги на пластинки пустил? — дядька глянул на солнце сквозь вымытый стакан.

— Все, — кивнул племянник. — На прошлой неделе Никос ездил в Салоники и купил там с рук новый альбом «Битлз».

Дядька покачал головой, пошел на кухню,

вынес миску горячей мусаки и зеленоватый лимон на блюде.

— Завтра зарплату получу... за танцы. Тогда отдам.

— Да не надо мне твоих денег, — дядька взъерошил племяшу волосы на макушке, — только подстригись. А то зарос как Тарзан.

Мусака обожгла нёбо и племяш задышал, как тот пёс на жаре.

— Да не хватай... только что с плиты.

Тушенная говядина с баклажанами и картофелем — мусака — была фирменным блюдом таверны.

— Ну, как фотка? Посетители интересуются? — спросил племянник, поливая мусаку лимонным соком.

— Интересуются. Особенно финны.

Дядька набросил полотенце на плечо, подошел к снимку, что висел на стене.

— Не знают только вот этого, что сидит справа. Все время спрашивают, а я и сам не знаю...

— Стюарт Сатклифф. Умер в 62-м году.

Снимок молодых «битлов», где они были сняты на фоне товарного вагона, Никос специально возил в Салоники. Там его увеличили, отретушировали и наклеили на серое паспарту. А на прошлой неделе, под недовольное бурчание дядьки, племянник прикрепил снимок к стене.

— Один финн даже просил продать, — дядька Михалаки прищурил глаза. — Глянешь на них — чистые оболтусы. У одного вон и носков нет — туфли на голую пятку натянул. Как его фамилия?

— Джордж Харрисон, — пробормотал племянник, не подымая головы.

— Разгонят скоро вашу джаз-банду, — дядька хукнул в стакан, подошел к стойке.

— У нас не джаз-банда, а бит-группа.

— Все равно разгонят. Что же вы... с шести утра гремите, спать людям не даете.

В шесть утра у Никоса заканчивалась ночное дежурство, и он сразу же бежал на танцплощадку. Репетировать днем не было возможности, так как все остальные музыканты работали, а поэтому и приходилось «греметь» с самого утра. И хотя усилители работали на самом тихом режиме, да и пели они вполголоса, но все равно получили письменное предупреждение из полиции.

— Э-эх, нет отца. Некому было мозги прочистить. Теперь вот бегай, как тот Харрисон, без носков на пятках.

Отца своего Никос не помнил. Тот погиб летом 1949 года, когда их партизанский отряд пытался уйти в Албанию.

Дядька включил транзистор. По радио передавали концерт ансамбля песни и танца под руководством Доры Страту. Дядька закивал в такт

музыке головой, а племянник лизнул политые лимонным соком пальцы и перекривился. Он не любил народных песен.

* * *

У пирса коротко рыкнул буксир и Никос открыл глаза. Летом, после ночного дежурства, он всегда был бодрым, а сейчас, осенью, стоило только присесть — хоть на камень у берега, хоть, как сейчас, на ящик из-под апельсин, — и его сразу же одолевал сон. Летом на дежурстве можно было пару часов покемарить. Теперь же, когда из машины одного скандинава стащили портативный магнитофон (хорошо еще, что не в его смену), охранникам стало не до сна. Всю ночь приходилось ходить вокруг стоянки.

Йорго тоже клонило ко сну и, чтобы разогнать стремительную дремоту, он то и дело бил по большой тарелке. Барабанщик за лето похудел: рубашка болталась на тощей фигуре, лицо почернело от загара, и только глаза, даже осоловевшие от дремоты, по-прежнему блестели корсарским блеском.

Ждали Манола. Сейчас они играли на танцах втроем, без басиста. В августе Спирос поехал в Салоники и обратно не вернулся. Остался жить у старшего брата.

Ветерок с моря охлаждал грудь. Никос вздрогнул, прижался щекой к гитарной деке, и услышал, уже сквозь сон, придушенный крик. Манол бежал, одной рукой придерживая гитару, что болталась за спиной, а второй размахивая газетой.

— Пол Маккартни! — задыхаясь кричал Манол.

— Что... Маккартни? — Никос медленно поднялся на ноги. — Йорго тоже поднялся, да так порывисто, что опрокинул стойку и латунная тарелка с грохотом рухнула на пол.

— Мать завтрак закручивала, а я... случайно увидел, — пролепетал Манол, на бегу выпрямляя на груди помятую газету.

Никос выхватил газету, пробежал глазами текст.

— «Официальное заявление Папандреу...»

— Да не то... — скривился Манол, — ниже глянь...

— «Участник знаменитого ансамбля «Битлз» Пол Маккартни дал интервью BBC. Он, в частности, поведал корреспонденту, что этим летом отдыхал на одном из греческих островов. Пол Маккартни заявил, что приехал в Грецию инкогнито, и это спасло его от преследования многочисленных фанатов. Музыкант также сообщил, что и там, на острове, звучали

«битловские» песни. Их исполнял местный бит-квартет. Ребята, по свидетельству музыканта, играли с ошибками. Пол Маккартни искренне пожалел, что не смог сыграть «She Loves You» вместе со своими молодыми коллегами».

Никос прочитал текст вслух, потом одними глазами, наконец, почувствовав на шее горячее дыхание друзей, рассеянно посмотрел по сторонам. От прочитанного слегка кружилась голова. Сюда, к ним, на эту загаженную чайками и засоренную миндальной скорлупой танцплощадку приходил Пол Маккартни?!

Никос опустил на ящик.

— «Гита-ары... в руках не держал», — с обидой в голосе произнес Манол, и Никос, понурился, процедил: — Да не вякай ты... без того тошно.

Щемящая обида охватила душу. Обида на Пола Маккартни, которого он боготворил; на друга Спироса, который не ответил на два его письма; на этот выжженный солнцем остров, где ему довелось родиться и жить... Никосу вдруг до спазмы в горле захотелось плакать. Еще мгновение он сидел неподвижно, потом поднялся, отбросил ногой ящик из-под критских апельсинов и, крикнув Манолу чтобы тот подключил гитару, до упора крутанул ручку громкости. Тело окатила нервная лихорадка, которая передалась струнам.

— She loves you yeah! yeah! yeah! She loves you yeah! yeah! yeah!..

Песня согнала с пирса стаю крикливых чаек, шевельнула занавески в таверне дядьки Михалаки, разбудила морские волны, что с мягким шелестом накатили на берег. И утренний паром, который шел на Родос, присоединил сиплый гудок к бесшабашной «битловской» песне.

Смерть Степана Кузьмича

Открыв дверь, Степан Кузьмич взглянул на блеклую табличку с надписью «Секретарь парткома Ананко М.С.» и с мыслью «надо заменить» вошел в кабинет.

Все было на месте: стол, истоптанный коврик, чахлая герань на подоконнике, книжный шкаф с полным собранием сочинений. Отсутствовал только сейф, который стоял в углу, и лучи неяркого света освещали пыльный квадрат на полу.

— Взял все-таки, — вслух проговорил новоиспеченный хозяин кабинета.

Сейф был только снаружи сейфом. Внутри этой бронированной тумбы располагался бар с холодильником, и потому не удивительно, что Ананко приказал перетащить его на новое место работы.

Плюхнувшись в кресло, освобожденный

секретарь парткома сцепил пальцы рук, запрокинул голову, собираясь, как видно, потянуться, и заметил отсутствие еще одной вещи — там, за спиной, где во все времена висел портрет Ильича, теперь торчал покореженный гвоздь с обрывком веревки.

— Крохобор, — в сердцах выдохнул хозяин кабинета, и рука его потянулась к телефону.

Степан Кузьмич набрал номер сборочного цеха, прикусил губу, слушая протяжные гудки, а услышав запыхавшийся голос Корозы, спросил:

— Как дела?

Начальник сборочного начал что-то говорить, но Степан Кузьмич перебил его новым вопросом:

— Как там Гастюгин?.. Живой?

— Живой! — ответил Короза после паузы, и эта пауза означала, что Гастюгин хоть и выпивши, но работать может.

— Пусть зайдет. Нужно табличку изготовить, — сказал Степан Кузьмич, положил трубку и придвинув к себе настольный календарь.

Листки календаря были густо усыпаны писаниной: «Позвонить первому», «Достать шифер», «Собрать взносы в сборочном». Сегодняшний день, первого ноября, был отмечен странной фразой: «Оформить Ленина по шестому разряду». Фраза эта привела Степана Кузьмича в некоторое замешательство. Он нахмурился, потер ладонью затылок и после раздумий отодвинул

календарь на край стола. «Хотел, по-видимому, Ленина на работу оформить... каким-нибудь почетным слесарем, а деньги в карман положить», — подумал Степан Кузьмич и, взглянув на согнутый гвоздь за спиной, беззвучно прошептал: «Хапуга!»

О том, что Ананко пошел на повышение, он узнал только в пятницу, когда вернулся из санатория. Сообщила эту новость жена. Грета Михайловна не поленилась приехать на вокзал, и не успел муж соскочить с вагонной подножки, как жена чмокнула его в щеку и взволнованным голосом выдала:

— Ананко в ЦК взяли. В промышленный отдел. Тебя на его место садят.

После санаторных процедур он почти не чувствовал сердечных сбоев, а тут, услышав такое, схватился за грудь. Став посреди перрона, Степан Кузьмич закрыл глаза, забросил в рот таблетку валидола и очнулся только, когда в спину ему заехали дорожным баулом. Здесь же, на перроне, жена упомянула о прощальном банкете на загородной базе, рассказала — кто напился, а кто — нет, и в дополнение сообщила, что генеральный директор плакал и грозился положить партбилет на стол, если промышленностью будут управлять такие, как Ананко.

Два дня, субботу и воскресенье,

новоиспеченный секретарь парткома не отходил от телефона. Звонили друзья и знакомые. Друзья спрашивали о здоровье, о сочинской погоде, о ценах на хурму... После каждого такого звонка Степан Кузьмич щелкал подтяжками, с деланным неудовольствием говорил: «Утомили», — но при каждом новом звонке бросался к телефону, обгоняя на полпути любимую жену. И вот в понедельник, раскинувшись в секретарском кресле, он в который уже раз стал перечислять фамилии тех, кто его поздравил, и за этим приятным занятием его застал звонок внутренней связи.

— Степан Кузьмич! К вам посетитель, — игривый голос секретарши покрыло густое гудение.

Убирая фон, Степан Кузьмич щелкнул тумблером.

— Кто там? Гастюгин из сборочного?

— Да нет... здесь... — секретарша на мгновение замолчала, — переспрашивала, видимо, фамилию посетителя и, сдерживая смех, сообщила: — Товарищ Бурых к вам рвется.

Готовясь к приему посетителя, Степан Кузьмич взял ручку, нарисовал на листе чертика, а когда взглянул на дверь и увидел посетителя, ручка выскользнула из пальцев и с тихим лязгом упала на пол. В кабинет входил... Владимир Ильич Ленин. Да, ошибки быть не могло: это был Ленин! Солнечные блики сверкали на могучей лысине,

острая бородка слегка дрожала, а палец правой руки был запихнут в карман жилетки. Сделав несколько шагов, Владимир Ильич рассеянно посмотрел на Степана Кузьмича и, зацепившись ногой за коврик, спросил:

— А где... начальник?

Новый хозяин кабинета потер рукавом переносицу.

— Вы что, из театра будете?

Руки посетителя болезненно вздрогнули.

— Да так... когда-то актерствовал, — посетитель тронул дрожащими пальцами приклеенную бородку.

Степан Кузьмич поднял из-под ног ручку.

— Здесь... понимаете, какое дело... — посетитель снова потрогал бородку, которая слегка отклеилась и, дыхнув пивным перегаром, произнес: — Товарищ начальник, не могу я на том броневике ехать.

Степан Кузьмич смахнул ладонью испарину со лба.

— Это еще почему?

— Машина дергается — не устоять. Да и ехать надо быстро — позади же матросы должны бежать.

Лицо Степана Кузьмича просветлело. Ну конечно же, все это были штуки Ананко. Хотел, видимо, живого Ленина перед трибуной провезти, в

очередной раз отличиться. Ну да ничего, теперь мы отличимся.

— Ваши предложения?

Актер оторвал бородку, пихнул в карман.

— Нужно, чтобы я на трибуне стоял. Будет хоть за что держаться.

— Так что же мы, трибуну на броневик поставим?

Актер опустил глаза, вытащил из кармана бородку.

— Товарищ начальник... я в театре... бутафорию одолжил... ну, пиджак там... жилетку, — пальцы актера пробежали по лацканах пиджака, попытались приклеить бородку на старое место, — ботинки еще...

— Ну и... — перебил «товарищ начальник».

— Ну и... парни ботинки к броневнику приклеили. Эпоксидкой. Думали, так стоять удобнее будет. А я, когда проехались, чуть ноги не переломал.

— Ну и... — уже с нетерпением в голосе выдохнул Степан Кузьмич.

— Стали отрывать и подошвы оторвали. А ботинки двадцать рублей стоят.

Степан Кузьмич достал портмоне, вытащил два червонца, потом, подумав, вытащил еще трульник и, бросив на стол, прошептал:

— После обеда зайду. Предупреди ребят.

Огромный, метров пять высотой, портрет Ленина сох на осеннем ветру, прислоненный к закопченной стене литейки. Тут же сохли портреты членов Политбюро, а посреди двора стоял сколоченный из фанерных листов броневики. Степан Кузьмич подошел к броневику, дотянулся рукой до верха круглой башни, но не нашел там и следа приклеенных подошв. «Артист», — подумал Степан Кузьмич, качнул головой, и порывы холодного ветра донесли до ушей скрип не смазанных дверей и обрывки горячего спора. Из дверей котлопункта, который располагался рядом с литейкой, неожиданно вывалился бородатый детина. Он невнятно ругнулся, зацепил ногой портрет члена Политбюро Арвида Пельше и, опираясь рукой на стену, стал расстегивать ширинку. Судя по следам краски на носу, детина был художником.

Накануне октябрьских праздников художники имели обыкновение работать в котлопункте. Краска на портретах и транспарантах сохла медленно, а возле горячих труб все сохло в одно мгновение. Художники, конечно, пили и раньше. Пронесли каким-то образом вино через проходную и, зашившись на котлопункте, квасили... Но чтобы вот так... посреди рабочего дня... поливать стены... Такого еще не было. И Степан Кузьмич,

раздумывая, какой кары заслуживают пропойцы, двинулся вперед.

Двери скрипнули, в лицо дохнуло запахом краски, а нога наткнулась на что-то живое и мягкое. Степан Кузьмич подскочил, взглянул под ноги и увидел актера Бурых. Тот спал, положив голову на порог и обнимая рукою пропановский баллон. В помещении было жарко, потому, видимо, Бурых и прилег на пороге.

В глубине котлопункта, под лозунгом «Слава передовой советской науке!», сидели трое: усатый молодой человек в темных очках, какой-то седобородый доходяга в измазанном краской халате и совершенно упившийся слесарь Гастюгин. Усач сидел на отопительной трубе, жевал кислый огурец и что-то говорил доходяге:

— А я тебе говорю... твой Шагал... никчемность! Понимаешь? Ник-чем-ность! — сказав это, усач замолчал, решительно задвигал челюстями, и капли огуречного рассола мелко задрожали на гладком подбородке.

Седобородый доходяга, однако, уже ничего не мог сказать в поддержку Шагала — он лишь икал, и худое как мумия тело каждый раз отчаянно дергалось.

— Что здесь происходит? — выдохнул Степан Кузьмич, пытаясь ослабить узел галстука на вспотевшей шее. — Голос его срывался от

волнения, а пальцы никак не могли развязать узел.

Усач перестал жевать, уставился на двери. На это раз двери закрипели настойчиво и решительно. Степан Кузьмич оглянулся. На пороге стоял бородатый детина. Почти минуту он ворочал белками глаз, после чего распростер руки и, путая Степана Кузьмича с каким-то своим знакомым, заорал:

— Вася?! Кореш! И ты здесь!

У Степана Кузьмича закружилась голова и поднялось кровяное давление. Он оттолкнул от себя пьяную морду, которая лезла целоваться и, задыхаясь от возмущения, вылетел из котлопункта.

Первая мысль была: вызвать милицию. Он даже ускорил шаг, идя в сторону заводоуправления, но вскоре остановился, задумчиво провел ладонью по свежесбрившей щеке. «Ну хорошо, сдам я их в милицию. А кто будет лозунги дорисовывать? Марк Шагал? Да и стоит ли поднимать шум? Еще, чего доброго, в обкоме узнают», — Степан Кузьмич настороженно посмотрел по сторонам. Часы на здании заводоуправления показывали половину четвертого. «Пойду в сборочный, к Корозе. С этим Гастюгиным надо что-то делать. Дальше так продолжаться не может», — подумал Степан Кузьмич, собрался было идти, но так и не сделал ни одного шага. Беспокоить Корозу не было смысла. У Гастюгина золотые руки: холодильники в сейфах

монтирует, могильные ограждения из нержавеющей стали клепают. Кажется, и сейчас кому-то ограду делают... Не теще ли первого секретаря? Та как раз недавно отдала концы. Такого попробуй — сдай в милицию. И сам там окажешься. Степан Кузьмич крикнул, прошептал: «Завтра разберемся», — и рассудительной, но напористой походкой направился к проходной.

Назавтра, ровно в девять часов утра, он вошел в приемную и увидел у дверей кабинета актера Бурых. Того было трудно узнать: лицо опухло, глаза заплыли, а руки дрожали страшнее от вчерашнего. «Абстинентный синдром», — отметил Степан Кузьмич, кивком головы приглашая актера в кабинет.

Театральный расстрига долго стоял на пороге, мял в руках кепку из ленинского прикида, наконец не своим голосом произнес:

— Есть идея.

Эти слова развеселили. В такой голове, оказывается, могли рождаться какие-то идеи.

— Есть идея, — повторил Бурых и для иллюстрации своей задумки нарисовал руками в воздухе что-то похожее на квадрат. — Помните, я вчера говорил про трибуну? — Степан Кузьмич, конечно же, помнил, но искренне удивился, что об этом помнил Бурых.

Актер подошел к столу, налил в стакан воды

из графина.

— Короче, сколачиваем трибуну, обтягиваем красной материей, а под трибуной «радиста» садим... с магнитофоном... — зубы актера мелко застучали по краю стакана, а квадратный кадык жадно зашевелился.

Утолив жажду, Бурых вытер рукавом синие губы.

— Запишем на пленку голос Ленина и пустим в эфир. Представляете? Я стою на трибуне и произношу ленинском голосом. Отцы города из штанов выпадают.

Степан Кузьмич на миг закрыл глаза, представил, как отцы города будут «выпадать из штанов», и вдохновенно потер виски. Идея была, безусловно, интересная: пустить живое ленинское слово — и сам Ильич на трибуне... До этого, кажется, еще никто не додумывался.

— Хорошо, — произнес хозяин кабинета, — сколачивайте трибуну, а там посмотрим. — Степан Кузьмич поднялся, демонстрируя, что разговор закончен, но посетитель и не думал уходить. Бурых стоял, понурил глаза, и мял многострадальную ленинскую кепку.

Степан Кузьмич покачал головой, вытащил из кармана пару рваных рублей, бросил на стол, и посетитель, схватив деньги, мигом исчез из кабинета.

Вечером следующего дня трибуна была сколочена, обтянута красной материей и поставлена в кузове до блеска вымытого ГАЗ-51. Высокая, подсвеченная ярким прожектором, в ней было что-то феерическое, и мелкий дождь, который сыпал с неба и сверкал в прожекторных лучах, эту фееричность решительно подчеркивал.

Секретарь парткома подошел к «газону» в тот момент, когда «радисты» заканчивали монтировать радиоустановку. В проеме, с тыльной стороны трибуны, кто-то шевелился, а из громкоговорителя, что стоял на крыше кабины, вырывались на простор громкое сопение и тихий шепот: «Юрка, посвети. Ничего не вижу». Тут же, у трибуны, прохаживался актер Бурых в гриме. Актер заметно волновался: покашливал, потирал потные руки, щупал приклеенную бородку и вполголоса повторял:

— Как перед премьерой...

Вскоре сопение в репродукторе утихло, заводской двор наполнился зловещим свистом и торжественным, слегка искаженным помехами ленинским голосом:

— Чьто такое Савецкая в'ась?

— Готово! — вырвалось сразу из нескольких глоток, и актер Бурых, входя в роль, заложил пальцы рук за жилетку и с картавинкой в голосе произнес:

— Очень... очень ха'ашо!

Работяги, что стояли вокруг трибуны, загалдели, захохотали, но когда на трибуну взошел живой Ленин, разом утихли.

— Чьто такое Савецкая в'асьт? В чем заключается сущность этой новой в'асти, которой не хотят или не могут понять еще в большинстве ст'ан? — грянуло над людскими головами, «газон» тронулся с места, и все, кто находился на заводском дворе, невольно двинулись следом. Степан Кузьмич двинулся также и, сглотнув холодный ком в горле, даровал актеру пропитых двадцать пять рублей.

В ночь накануне праздника Степана Кузьмича мучила бессонница. Он долго крутился на кровати, два раза пил валерьянку, а когда, в конце концов, уснул, сон пришел тревожный и мрачный. И приснился Степану Кузьмичу пьянчуга Гастюгин, который, стоя посреди литейки, махал перед его носом разливочным ковшом; приснился актер Бурых, который бегал вокруг горячей вагранки, декламируя «Очередные задачи Советской власти», и даже когда он проснулся и приподнял голову над подушкой, шум дождя снаружи и дальний вопль репродукторов показались ему голосами этих пьянтосов.

Утро зияло темными окнами. Степан Кузьмич слегка понежился в постели и осторожно, чтобы не

будить жену, пошел на кухню готовить завтрак. Душа была полна тревоги. Тревожные предчувствия не давали покоя и потом, когда он ехал на завод, и когда выводил праздничную колонну на место сбора. «И угораздило же связаться с этим актером», — крутилась в голове назойливая мысль, и голова от той мысли становилась все более тяжелой и туманной.

Еще вчера идея провести по городу «живого Ленина» казалась гениальной, а сегодня... сегодня холодные сомнения кроили больное сердце. «Согласовать надо было этот маскарад. В том же обкоме. Все же не Нестерку повезем, а Ленина», — подумав так, Степан Кузьмич сошел на обочину проспекта — посмотреть, двинулись ли передние колонны, — и земля содрогнулась под ногами. По главной площади шла военная техника.

Порывы сырого ветра валили с ног. У начальника сборочного цеха Корозы, который стоял впереди колонны и держал в руках переходящее Красное знамя, ветер сорвал шляпу, секретарю комсомольской организации Авдошко задрал юбку, а у портрета члена Политбюро Кунаева обломил древко, и портрет добрых пять метров летел над людскими головами. «Как то все будет?» — вздохнул Степан Кузьмич и, гонимый порывами ветра, пошел в конец колонны: давать последние наставления актеру.

Актер со слесарем Гастюгиным сидели в кабине «газона».

— Как вы тут... не употребляете? — крикнул Степан Кузьмич, вскочив на подножку.

— Кузьмич... обижаете... — не совсем твердым голосом отозвался слесарь, а актер, пощупав бородку, озабоченно произнес:

— Юрки нет.

— Какого Юрки?

— Ну... монтера... который должен включить магнитофон, — Бурых виновато улыбнулся, ткнул пальцем в лобовое стекло: — Вон, уже идут!

Демонстранты беспорядочным толпой двинулись вперед.

— Так чего вы сидите?! — с паникой в голосе выдохнул секретарь парткома.

Времени на раздумья не было. Степан Кузьмич открыл дверцы, схватил Гастюгина за рукав габардинового плаща.

— Лезь под трибуну... Магнитофон включишь.

Слесарь забормотал что-то про отгулы, с неохотой вылез из машины, а следом прыгнул на асфальт и актер.

— Ленин! Ленин! — закричали вокруг, и Степан Кузьмич, оглянувшись, вобрал голову в плечи.

Актер со слесарем на ходу залезли в кузов —

благо борта были отброшены, — на карачках подползли к трибуне. Такое поведение «живого Ленина» развеселило демонстрантов. Вокруг зашумели, захохотали, кто-то даже свистнул. Несколько человек из оцепления бросились в ту сторону, откуда раздался свист, и у Степана Кузьмича от всего этого мелко затряслись поджилки.

— Левая клавиша! Других не трогай... — крикнул Бурых в темную дыру, из которой торчали подошвы стоптанных Гастюгинских ботинок.

Дыра на мгновение осветилась зыбким светом — это Гастюгин чиркнул спичкой, — и за спиной Степана Кузьмича прозвучали слова, от которых ноги стали ватными и мир перевернулся вверх ногами.

— Товарищи, это же кощунство!

Не помня себя, секретарь парткома бросился к машине, махнул рукой, призывая актера где-нибудь спрятаться, но тот, по-своему поняв такую отмашку, схватился за поручни и поспешно взобрался на трибуну. Вокруг снова зашумели, но на этот раз в человеческих голосах слышалось искреннее восхищение. «Живой Ленин» вытащил из кармана кепку, сжал ее в кулаке, ударил кулаком дождливое небо. И грохот оркестра на площади утонул в горячих аплодисментах.

«Пока все нормально!» — успокоил себя

освобожденный секретарь парткома. Идя вровень с машиной, он налег грудью на борт и, глядя в темную дыру, с нетерпением спросил:

— Ну, что там у тебя?

— Темно... — зашевелился в трибунной утробе Гастюгин. Слесарь опять чиркнул спичкой, сдавленно выдохнул: — Сейчас врублю.

— Включаем! — крикнул Степан Кузьмич, и актер, пригладив бородку, энергично заляпал беззвучном ртом.

Репродуктор зловеще зашипел и гулкий простор сотряс надрывный тенор:

— Деревня-а! Деревня-а родная-я...

Громоподобная песня ошарашила не только Степана Кузьмича, но и водилу «газона». Он резко тормознул, после чего с такой же резкостью нажал на газ. Машина рванула, наверху ругнулись, Степан Кузьмич испуганно сжался, ожидая падения актера, но Бурых, к счастью, удержался на верхотуре и, то ли с перепугу то ли от отчаяния, закричал на всю мощь своих легких:

— Чьто такое Савецкая в'ась? В чем заключается сущность этой новой в'асти?..

— Молодец, Бурых, — только и прошептал Степан Кузьмич, молитвенно поглядывая на актера. Актер строчил без запинки и не какую-то там отсебятину, а почти слово в слово повторял то, что было записано на магнитофонной ленте. Машина